

Золото в денежном обращении Великого княжества Литовского в конце XV — начале XVI века

Ирина МАСЬКО

Директор музея
Национального банка

Одно из первых письменных упоминаний о золотых платежных единицах в Великом княжестве Литовском относится к 1321 году. Это было время жестокой борьбы молодого государства с крестоносцами. Ордену удалось не только завоевать Жамойтию (Жмудь), но и захватить в плен гетмана Гашгольда, которого великий князь Литовский Гедимин "...з неволи немецкой за 30 000 золотых выкупил" [1]. Что это были за "золотые", ответить пока трудно. Возможно, речь идет о цехинах Венеции. Во всяком случае ими не могли быть ни венгерские, ни чешские дукаты, которые начали чеканиться лишь где-то в 1325—1326 годах. О них, вероятнее всего, свидетельствуют более поздние документы, приведенные ниже.

В 1410 году свершилось событие, решившее судьбу восточно-европейских народов, — битва под Грюнвальдом. Орден понес страшное поражение, от которого уже не смог оправиться. Союзные войска, однако, не использовали в полной мере успех и только на десятый день подошли к столице рыцарей — Мариенбургу, с которого все же взяли "...откупа в 3 000 пеняз (денег, монет — *И.М.*) золотых" [2]. Несколько позже, в 1427 году, используя смерть московского князя Василия Дмитриевича, который в одной из духовных грамот поручил своего девятилетнего сына опеке Витовта, великий князь Литовский предпринял поход на Псков и Новгород. Как свидетельствует "Хроника Литовская и Жмойтская...", псковичи добровольно сдались со всем княжеством. Витовт установил дань, по которой псковичи кроме всего прочего должны были ежегодно присылать в Вильню еще и 5 000, а новгородцы — 10 000 "червоных золотых" [3].

Во время правления Казимира IV Ягеллончика (1440—1492) упоминания письменных источников о дукатах становятся достаточно обычным явлением. Именно с этого времени указывается не только номи-

нал, но и его государственная принадлежность. Так, "писар господарский" Федка Хребтович выплачивает Якубу Довойновичу долг в 40 "золотых вгорских" [4]. В числе подарков, которые псковичи преподнесли королеве, был также и "золотой угорский" [5]. Сохранилась "Памятная записка..." о доходах, полученных Казимиром IV за продажу должностей наместников и старост, которая была составлена в 1482 году. За наместничество Могилевское некий Митка Стародубец дал 60 "золотых вгорских" [6].

До настоящего времени дошли документы, свидетельствующие о том, что в 1486—1490 годах Казимиром IV были отданы на откуп ряд таможенных и корчемных сборов, а также "мостового", "бочечного", "перевоза" и т. д. [7].

Обращает на себя внимание следующий факт: "откуп" устанавливался в пражских грошах [8], а возвращение в казну назначалось от 1/8 до 1/3 получаемой суммы в золотых венгерских.

Самым крупным номиналом в описываемое время являлся золотой английский нобль, называемый в народе "карабельник" по изображению на нем корабля. Во времена правления Казимира IV он упоминается лишь один раз. В вышецитируемой "Памятной записке..." от 30 ноября 1482 года говорится о том, что некий Комар за "...старченье Речицкое королю дал 2 карабельники...", а от наместничества Озерецкого в казну поступило 5 карабельников; самым же дорогим оказалось наместничество Речицкое, которое стоило 8 карабельников" [9].

Складывается впечатление, что со второй половины XV века в финансовой политике Великого княжества Литовского проявляется тенденция, направленная на привлечение в государственную казну золотой монеты. Это подтверждается упоминанием летописи о смерти Казимира IV (1492), который "Учинил тестамент (завещание — *И.М.*), ...а в особливом схованю таємном мел 300 000 червоных золотых, у которых 200 000 червоных роздал сынам; 50 000 до скарбу коронного (то есть королевского, польского — *И.М.*), 10 000 червоных матце своей, 30 000 червоных — жоне; 10 000 червоных на костелы, на церкви все и на шпиталь отказал" [10]. Указанный документ фиксирует очень большую сумму, что свидетельствует о достаточно широком распространении дуката. Наследство в 200 000 золотых было очень кстати для сыновей Казимира IV — короля Польши Яна Ольбрахта и великого князя Литовского Александра, которые лишь в 1500 году "...послали до царя Шахмата татарского (крымского хана — *И.М.*) за 30 000 золотых кажухов, так же и сукна ...жадаючи затыгов войска его против князя московского..." [11], который захватил Северскую землю.

В настоящее время известна одна достоверно установленная находка золотого венгерского XV века на территории Беларуси [12].

По мере развития рыночных отношений в Великом княжестве Литовском все более возрастающее значение приобретают золотые монеты, из которых доминирующая роль принадлежит венгерскому дукату. Многочисленные источники фиксируют его сочетанием слова “золотой” (“злотый”) с эпитетами, указывающими на происхождение, — “вгорский”, “угорский”. Обычным становится использование для венгерского дуката обозначения еще более сложной (подчеркивающей значение, добротность) терминологии. Это нашло отражение в дополнительных определениях, таких, как: “черлений”, “червлений”, “чирвоный”, “чирвоный”, “в золоте”, “важный”, “важчий”, “доброе ваги”, “добрый”.

5 октября 1504 года мещанин Мартин Янгелевич арендует минскую таможенную часть стоимости которой составила “сто золотых черленых вгорских” [13].

28 сентября 1519 года датировано духовное завещание земского подскарбия Авраама Юзефовича, упоминающее “десять тысяч золотых вгорских доброе ваги” [14].

25 января 1520 года городской суд Вильно рассматривает тяжбу между мещанами Матвеем Охмистровичем и Яном Довойновичем: первый требует у второго возвращения долга в “двадцать золотых в золоте вгорских важных” [15].

23 декабря 1528 года Подтвердительная грамота Сигизмунда I княгине Александре Острожской на право владения городом Туровом упоминает ее приданное в “тысячу золотых черленых угорских важных, добрых” [16].

29 апреля 1523 года Королевское предписание канцлеру Великого княжества Литовского Гаштольду о выдаче “...десять тысяч золотых угорских черленых” [17].

24 июля 1565 года житель Слонимского повета заявляет жалобу на служанку, которая кроме всего прочего похитила “...золотых чирвоных пять угорских” [18].

Наряду с преобладающим большинством в денежном хозяйстве Великого княжества Литовского дукатов Венгрии среди золотых платежных единиц несомненным является также и присутствие номиналов других стран. В большинстве своем они определяются лексемами, не позволяющими установить их государственную принадлежность. Наиболее часто встречаются словосочетания “золотой черлений”, “золотой в золоте”, “золотой”. Последний из этих терминов не всегда может быть расшифрован как “дукат”, поскольку в 1493 году выходит указ Яна Ольбрахта, согласно которому дукат объявлен равноценным 30 польским грошам. Несколько позднее, в 1496 году, это решение было законодательно закреплено Петроковским сеймом. С этого времени сумма в 30 польских грошей продолжает называться “золотым”. Что же касается дуката, то он именуется в сочетании с иными лексическими дополнениями или же с указанием его реальной стоимости в грошовом эквиваленте.

Таким образом, с конца XV века эпитет “золотой” (“злотый”) начинает использоваться для обозначения одной и той же суммы, нашедшей выражение как в золотой (дукат), так и в серебряных (20 польских, или

24 литовских грошей) монетах. Тем не менее попытаемся разобраться в разновидностях дуката, используя для этой цели упоминаемые в актовом материале соответствующие им эпитеты, а также котировку по отношению к синхронным платежным единицам.

Обращает на себя внимание тот факт, что в конце XV — начале XVI века золотой сопровождается эпитетами “вгорский”, “чирвоный”. Это значит, что речь идет о золотом венгерском или соответствующем ему по качественно-метрическим параметрам. Эпитеты “важчий”, “важный”, “зупольный”, “добрый” появляются позже. Это могло быть связано лишь с одним: на рынках Великого княжества Литовского поступили иные золотые монеты, худшие по качеству. Именно в этой связи понадобилось дополнительное определение, указывающее на качество монеты. Подтверждение вышесказанному находим в одном из финансовых отчетов, представленных земскому подскарбию, от 8 сентября 1508 года: “...Королю его милости до Вильни сами отнесли ...400 золотых черленых, то делает пенязей 200 коп и 20 коп (220 коп — *И.М.*)” и здесь же “...радом дали за полтредяста (250 — *И.М.*) золотых кусых 90 коп и 2 копы без 20 грошей (21 копа 40 грошей — *И.М.*) ...тем же радом за 200 золотых 70 коп и 3 копы и 20 грошей (73 копы 20 грошей — *И.М.*) [19].

Итак, 400 золотых “черленых” стоят 220 коп грошей. Это значит, что 1 золотой “черлений” соответствует 33 грошам (220:60:400); 250 золотых “кусых” стоят 91 копу 40 грошей, что при подсчете ((91x60+40):250) приводит к следующему: 1 золотой “кусый” соответствует 22 грошам.

О присутствии золотых “кусых”, возможно, свидетельствуют и следующие документы:

— 10 июля 1506 года разрешение великого князя Литовского на пользование гродненским мостовым налогом: “...мает он тое мыто держати в той своей службе, которую мает нам вперед заслужовати в той теж суме в девяти сот золотых и шестьдесят и пять золотых (965 золотых — *И.М.*), а золотый по двадцать и два гроши” [20];

— 29 апреля 1514 года запись о раздаче подскарбием платы на военные расходы: “...дано на тридцать коней триста золотых по десяти золотых на конь, а золотый по двадцати и по два гроша” [21];

— около 1523 года запись о налогах Могилевской волости: “...А мають они отдати на 600 драбов мстиславских 12 сот золотых, котри по 22 гроши” [22].

Ни в одном из приведенных выше документов нет рядом со словом “золотой” каких бы то ни было эпитетов, уточняющих качество или национальную принадлежность монеты. Для обывателей того времени достаточно было знать: это тот золотой, который по 22 гроша.

Таким образом, можно констатировать, что уже в первом десятилетии XVI века на рынках Великого княжества Литовского исчезает монополия венгерского золотого. Остается лишь узнать, золотую монету какого государства так пренебрежительно называли “кусый”, который соответствовал всего лишь около 2/3 полноценного “чирвоного”?

В специальном исследовании, посвященном данной проблеме, В.М. Потин, ссылаясь на западно-европейские источники, указывает, что среди золотых монет, ввозившихся в Россию, присутствует и рейнский гульден, который, в отличие от итальянского флорина

и венгерского дуката, быстро снижал свою пробу и вес и к концу XV века заключал в себе лишь 2,5 грамма чистого золота, то есть на 1 грамм меньше дуката [23]. Таким образом, вполне оправдано предположение, что под золотым “кусом” можно видеть рейнский гульден.

О присутствии в денежном обращении Великого княжества Литовского в первой половине XVI века полноценных золотых платежных единиц, отличных от венгерских, указывают десятки актовых документов. Приведем наиболее интересные.

17 января 1516 года судебное разбирательство по поводу убийства возвращавшегося из “турок” литовского купца. У убитого забрали “...сорок золотых всих, ино тридцать без двух (28 — И.М.) дукатов, а двенадцать вгорских” [24]. Существенное уточнение в документе: дукаты могут быть и не венгерскими. Вероятнее всего, здесь речь идет о монетах Венеции.

25 января 1520 года в Вильно рассматривается жалоба виленского мещанина по поводу неуплаты долга: “...позычил дей он у отца моего двадцать золотых в золоте Вгорских, важных, и лист (долговое свидетельство — И.М.) свой вызнанный на то отцу моему дал. И тепер тые золотые отдати не хочет”. Суд постановляет: вернуть долг в “...двадцать золотых в золоте, также добрых, важных...” [25]. Интересная деталь — в судебном приговоре опускается слово “вгорский”. Это значит, что ответчику не обязательно рассчитываться дукатами Венгрии. Их можно заменить монетами других государств, лишь бы они соответствовали качеству полноценного дуката.

Кроме дукатов все большее распространение приобретают английские нобли-“корабельники” и их половинные фракции.

6 мая 1495 года при сборе таможенных пошлин упоминается “корабельник” [26]. 1 марта 1504 года в качестве подарка приехавшему в Вильно хану “Заволжскому”, а также двум его родственникам было вручено по “карабельнику” [27]. 25 октября 1508 года в Вильно среди даров, посланных крымскому хану, упоминается “карабельник” [28]. Невероятно крупная для описываемого времени сумма фигурирует в судебном разбирательстве, датированном 1511 годом, между трокским воеводой Григорием Остиковичем и Ольбрахтом Гаштольдом. Воевода утверждает, что наместник Ольбрахта убил его казначея и похитил “...сорок тысяч золотых, а тысяча да осм карабельников”. Гаштольд отвергает обвинения по той причине, что казначей истца был якобы убит во время ссоры в кор-

чме, и он не имеет никакого отношения к пропаже указанной суммы [29].

Самое позднее из известных упоминаний об английском нобле датируется 14 декабря 1534 года. В этот день полоцкий суд разбирает тяжбу между жителями Витебска Леньковым и таможенником Мошковицем, который выплатил Ленькову за купленную при его посредничестве партию воска “...тридцать полукорабельников без одного (29 ноблей — И.М.)” [30]. Суть спора состоит в том, что Леньков принял полукорабельники по 80 грошей, а Мошковиц за них давал только 72 гроша. Таким образом, один полукорабельник равен 80 грошам. К сожалению, содержание документа не позволяет установить, о каком именно гроше здесь идет речь. Но даже если исходить из того, что это грош польский, котировка корабельника явно завышена. В рассматриваемое время нобль весил 7,72 грамма, значит, его половинная фракция — 3,88 грамма. Это, безусловно, больше, чем полноценный дукат (3,5 грамма), но не на столько! В 1534 году дукат соответствовал 37,5 гроша литовского, или 46,9 гроша польского [31].

Всего один документ в рассматриваемый период упоминает очень крупную золотую монету, равную 10 дукатам, — “португал”. В 1542 году посол Великого княжества Литовского в Крыму князь Семен Бельский вручил “...царю Перекопскому (хану Сахиб Гирею — И.М.) 15 золотых португальских... царевичу Перекопскому старшему в золоте дано 3 золотых португальских... Али Хазию дано 2 золотых португальских” [32].

Итак, ведущее место Венгрии в поставке золотых монет в Восточную Европу в XV веке послужило тому, что очень быстро слово “вгорский” стало настолько обыденным для населения Великого княжества Литовского, что позднее именно это название стало часто использоваться как эквивалент дуката вообще. Бросается в глаза явное несоответствие между сообщениями письменных источников и денежными депозитами, содержащими золото. Дукаты, нобли, португалы — деньги богатых. В социальном плане они принадлежали небольшой прослойке. Зажиточное население реже пользовалось землей для сокрытия денег, так как для этой цели были тайники во дворцах и поместьях. Редкие находки золотых монет лишней раз свидетельствуют, что они не являлись частыми гостями на городской или сельской ярмарке. Как правило, они использовались в качестве подарков, ювелирного сырья, для обслуживания дипломатических миссий.

Источники:

1. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 32. М. 1975. С. 35.
2. ПСРЛ. Т. 30. М. 1973. С. 131.
3. ПСРЛ. Т. 32. М. 1975. С. 79.
4. Акты Литовско-Русского государства, изданные М. Довнар-Запольским (АЛРГ). Вып. I. М. 1897. С. 19.
5. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией (АЗР). Т. I. Спб. 1846. С. 94.
6. АЛРГ. С. 52.
7. Подробнее можно посмотреть: Акты Литовской метрики.
8. Крупная серебряная монета составила основу денежного хозяйства белорусских рынков в XIV—XV вв.
9. АЛРГ. С. 52.
10. ПСРЛ. Т. 32. С. 95.
11. ПСРЛ. Т. 32. С. 101.
12. Спадчына. 1990. № 4. С. 70, 71.
13. Беларускі архіў. Т. III. Мн. 1929. С. 2.
14. Акты Литовской метрики (АЛМ). Т. I. Варшава. 1896—1897. С. 69.
15. АЛМ. Т. I. С. 1380.
16. АЗР. Т. II. С. 191.
17. АЛМ. Т. I. С. 75.
18. Акты Виленской Археологической комиссии (АВАК). Т. XXII. Вильно. 1895. С. 168.
19. АЛРГ. С. 139.
20. АЛРГ. С. 120.
21. АЛРГ. С. 188.
22. АЛРГ. С. 188.
23. Русская нумизматика XI—XX веков. Материалы и исследование Государственного Эрмитажа. Л. 1979.
24. Русская историческая библиотека (РИБ). Вильно. 1915. Т. 20. С. 263.
25. РИБ. Т. 20. С. 1381.
26. АЛРГ. С. 60.
27. АЛМ. Т. I. С. 39.
28. АЛМ. Т. I. С. 77.
29. РИБ. Т. 20. С. 749, 750.
30. Беларускі архіў. С. 260.
31. АВАК. Т. XX. 2. 1.
32. АЗР. II. С. 381.